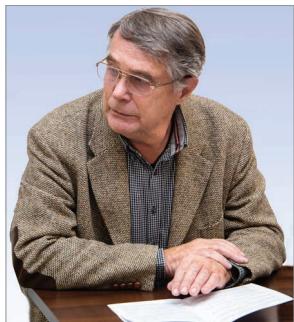

Государство, право и общество

Игорь Андреевич ИСАЕВ,
заведующий кафедрой
истории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
iisaev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Народ и суверен: одноразовое соглашение

Аннотация. Автор раскрывает проблему соотношения категорий «суверен», «народ», «множество», «масса» в историко-правовой ретроспективе. В Новое время народ, будучи политическим телом, всё еще продолжает существовать в напряжении между состоянием множества и формой «народ-король», при этом первое всегда находится в процессе распада, связанного с актом учреждения суверена, а вторая демонстрирует иллюзорное единство. Томас Гоббс и полагает, что у народа нет собственного политического тела, оно есть у суверена. Начиная с меркантилистов XVII в. народ представляется в роли не просто множества, образования, способного символизировать могущество верховного правителя. Это — определяющее множество, единство которого функционально обусловлено. Население-множество — естественный феномен, подверженный целенаправленному воздействию. Множество есть неполитический элемент. Историко-правовой анализ статьи позволяет определить дальнейший политико-правовой генезис населения, его метаморфозу от народа к массе или массам. Массы нельзя сравнивать с классом или народом, они более не субъект истории.

Ключевые слова: власть, суверен, суверенитет, монарх, государство, общество, народ, множество, масса, массы.

DOI: [10.17803/2311-5998.2023.104.4.122-130](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.104.4.122-130)

Igor A. ISAEV,

Head, Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Distinguished lawyer of the Russian Federation,

Dr. Sci. (Law), Professor
iisaev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The People and the Sovereign: A One-Time Agreement

Abstract. The author of the article reveals the issue of such categories correlation as the “sovereign”, “people”, “multitude”, “mass” in the historical-and-legal retrospective. In the Modern Age, the people being a political body continues to exist in tension between the state of multitude and the form “people-king”, while the former is always in the process of disintegration associated with the act of establishing a sovereign, and the latter demonstrates

illusory unity. Thomas Hobbes believes that the people do not have their own political body, but the sovereign has it. Since the mercantilists of the XVII century, the people have been presented as not just a multitude, an entity capable of symbolizing the power of the supreme ruler. That is a determinant multitude, the unity of which is functionally specified. The population-mass is a natural phenomenon that is subject to the targeted impact. The multitude is a non-political element. The historical-and-legal analysis of the article allows us to determine the further political and legal genesis of the population, its metamorphosis from the people to the mass or the masses. The masses should not be compared with a class or a people, they are no longer the subject of history.

Keywords: power, sovereign, sovereignty, monarch, state, society, people, multitude, mass, masses.

В Новое время политика приобретает поистине мессианское измерение. У Томаса Гоббса мирское государство (Левиафан) непременно исчезнет, когда Царство Божие политически осуществляется в мире¹. Истинная государственность объективна и трансцендентна. Именно это придает определенную объективность и реально существующему мирскому государству. Недосягаемость идеала вместе со стремлением к его достижению побуждает земное государство стремиться к истине и справедливости.

Политическая сцена в Новое время отсылает к важному означаемому — народу, общей воле. У Самуэля Пуфendorфа народное единство выражается в единстве воли и действия, которое отсутствует у множества, состоящего из подданных. Когда понятием «народ» обозначают весь город, то налицо тавтология: ведь именно народ, то есть город, правит во всяком городе. Но если «народ» означает множество подданных («граждане как нечто отличное от короля»²) и они царствуют в каждом городе — здесь будет ложное утверждение. Поэтому противоречивое определение «король — это народ» не должно пониматься и использоваться как-то иначе, чем оно выражено: в монархическом городе народ считает, что он хочет того, чего восхотел государь. Парадокс разрешается, если ситуацию интерпретировать с позиции юридической фикции. Однако у Т. Гоббса такой порядок сохраняет свою прямолинейность: монарх — народ, поскольку конституируется телами подданных.

Общественное соглашение дает столь сильное могущество, направляемое общей волей. Имя этой власти — суверенитет. «Политический организм, или суверен, который обязан своим существованием лишь святыни Договора, ни в коем случае не может брать на себя таких обязательств, даже по отношению к другим, которые сколько-нибудь противоречили бы этому первоначальному акту, как, например, отчуждение части самого себя или подчинение себя другому суверену. Нарушить акт, благодаря которому он существует, значило бы уничтожить самого

¹ См.: Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.

² Цит. по: Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. СПб. : Владимир Даль, 2021. С. 56.

себя»³. Жан-Жак Руссо пишет: «Государство, или Гражданская община, — это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов»⁴.

Т. Гоббс различает «разобщенное, разъединенное множество», существующее до момента заключения договора, и «расслоившееся множество», которое следует за ним. Множество также должно исчезнуть для того, чтобы возникло государство. (Джорджо Агамбен усматривает в этом диссонанс, ведь исчезает не «множество», а сам народ полностью перенесен в тело Левиафана, он-то и «правит во всяком городе, но не способен в нем обитать»⁵.) В пространстве власти множество всё же остается, хотя оно и является непредставимым и невидимым, ибо народ рассеялся в суверене.

Множество может стать личностью, только когда его представляют. Большинство в своей совокупности обладает властью, по Алексису Токвилю, притом никто не знает, где найти ее представителя. Единство представителя, а не единство представляемых, думает Т. Гоббс, делает одну личность единственной. Такой представитель «несет Личность, и одну-единственную; а Единство не может быть иначе понято во множестве»⁶. Категоричен в данном вопросе Георг Гегель: народ без монарха — не государство и не наделен суверенитетом. «Народ, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанный именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса»⁷.

Для немецкого философа уже неразделимые между собой государство и история и создают народ. Народ имеет голос, но в гегелевском государстве этот голос почти не слышим. Главная власть, которая не удерживается короной и не принадлежит народному представительству, оказывается у чиновников, особого сословия, универсального и самого влиятельного. Поддержание государственного интереса и законности детерминирует попечение «со стороны представителей правительственной власти, государственных чиновников, исполнительной и высших совещательных, коллегиально-конституированных органов, которые сходятся в высших, соприкасающихся с монархом инстанциях»⁸. Чиновничество держит в своих руках организацию государства.

Народ — коллективную личность — отличают особые свойства, привычки, судьба. Однако народ самостоятельно «не мыслит и не обладает знанием, он лишь живет и желает, а мыслят и обладают знанием народные герои и мудрецы»⁹. Нередко сам народ и возникает-то в истории благодаря мысли и знанию таких людей, которые составляют его сердцевину. Народность есть усиленный и концентрированный дух нации, выражющий себя в высших символических личностях и произведениях народа. Именно здесь и происходит духовное постоянное

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. М. : Канон-Пресс ; Кучково поле, 1998. С. 210.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 220.

⁵ Агамбен Дж. Указ. соч. С. 59–62.

⁶ Цит. по: Робин К. Страх. История политической идеи. М. : Прогресс-Традиция ; Территория будущего, 2007. С. 98.

⁷ Гегель Г. Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 320.

⁸ Гегель Г. Указ. соч. С. 330.

⁹ Гундольф Ф. Георге. СПб. : Владимир Даль, 2019. С. 123.

возвращение к жизни исторического прошлого, но происходит оно не в сюжетах и учениях, а в силе и в образе мыслей. И если первые заимствуются и переносятся из прошлого и как бы извне, то вторые «живут в крови, они-то и суть, судьба и характер народа»¹⁰.

Начиная с XVIII в. политическое, которое до этого было формой игры и стратегией, а не системой представления и идеологией, принимает функцию выражения социального. От политического действия ожидается лучшее изображение реальности — «чтобы оно было прозрачным»¹¹. Социальное овладевает политическим, включая его в рискованную сферу анонимности, в которой пребывает масса.

В личности государя общество олицетворяло и символически воплощало саму власть. Демократические преобразования изменили пространственные очертания власти: поскольку ее осуществление стало периодически подвергаться строго регламентированному обновлению, произошла институализация состязательных и конфликтных действий, и в центре властного пространства появился «пустой трон». Артур Хокарт по этому поводу замечает: «Если всеобщая воля неотчуждаема, никому не дано вместить ее в себе. Если всеобщую волю нельзя представить, ничто и никто, даже народ при полном единодушии, не может стать ее выражителем»¹².

Только глава государства иногда и на некоторое время вправе занять это неприкосновенное место (трон); легально находясь под защитой «всеобщей воли», но не имея при этом возможности с ней слиться, он оставался всего лишь «стражем места» («гарантом конституции»); «в конечном итоге это пустое место — место отсутствующего содержимого, невидимой субстанции, вокруг которой выстраивается социальный и политический порядок»¹³.

Политический ритуал для наибольшего эффекта нуждался в некоем содержании — общем интересе, всеобщей воле, справедливости. Необходимо было соблюдать и важное условие: никто не назовет это содержание и не заговорит от его имени.

Исключение монарха из системы власти воспринималось как обезглавливание государственного тела. Ритуал королевской казни означал символический разрыв «двух тел» короля. Возникала пустота, не заполненная властной субстанцией, а политическими факторами становились страх, паника и тревога. «Тревога не была реакцией на репрессии государства; она к ним приводила»¹⁴ (Кори Робин).

Интенсивность массового страха связана с невидимым характером его причины, с тем, что публичное пространство оказывалось всё менее структурированным вокруг фигуры суверена, который всегда был законодателем и хранителем истины. Обнаруживающаяся на месте разума пустота навевала страх, а неуверенность, спонтанная мобильность массы и множественность мнений об истине обуславливали глубокий кризис рациональности.

¹⁰ Гундольф Ф. Указ. соч. С. 130.

¹¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. С. 23.

¹² Цит по: Дюлюи Ж.-П. Знак священного. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 187.

¹³ Дюлюи Ж.-П. Указ. соч. С. 188.

¹⁴ Робин К. Указ. соч. С. 93.

Борьба с эпидемиями и безумием, по мысли Мишеля Фуко, принимала форму борьбы с фантастическими монстрами воображения — «все эти порождения причудливейшего бреда были изначально скрыты в лоне земли как некая тайна, как недосягаемая истина»¹⁵. Пропаганда суверенности индивидуального разума также эффективно способствовала взрыву панического иррационализма. Реальные страхи вели к реальной опасности и реальным возможностям.

Общий разум множества рождал странный феномен публичности. Новая публичность не была закреплена в политическом пространстве, располагалась вообще вне устоявшейся публичной сферы, некогда связанной с мифами и ритуалами государства-суверена. Универсальность «всегообщего разума» оказывалась шире даже «общей воли» народа, которая в теории Ж.-Ж. Руссо выражена в государстве. Для французского ученого законодатель — «должность особая и высшая, не имеющая ничего общего с властью человеческой. Ибо если тот, кто повелевает людьми, не должен властвовать над законами, то и тот, кто властвует над законами, также не должен повелевать людьми»¹⁶. Законодатель не есть ни правительство, ни суверенитет.

Общественное соглашение не должно быть формальным. Ж.-Ж. Руссо подчеркивает, что «оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам»¹⁷. При отказе кого-либо подчиняться общей воле в действие вступает «общественный организм», призывающий ослушника «быть свободным». Когда масса объединена в единое целое, невозможно внешним силам легко дестабилизировать ее.

Желание подчиняться большинству возникает ввиду того, что сама «субстанциальная однородность народа настолько велика, что исходя из подобной субстанции все желают одного и того же»¹⁸. У Ж.-Ж. Руссо и якобинцев государство базируется не просто на договоре, а на тождестве народа с самим собой, что представлено в концепте демократического равенства. Между тем народ не может непосредственно вручать кому-либо власть, поскольку сам реально ею не обладает; истинная власть может прийти только сверху и быть узаконенной санкцией чего-то более высокого, чем социальный порядок, то есть санкцией духовного авторитета. Власть, будучи институциональным соединением сакральной силы и материальной мощи, осуществляет узурпацию власти Божественного. В самом начале власть под именем государства подменила Божественного Пантохратора человеческим сувереном. Свой титул узурпатор получал «по воле Бога», принимая на себя божественное могущество. Переворачивание всякой иерархии началось с того момента, когда светская власть захотела сделаться независимой от этого духовного авторитета, пытаясь подчинить его своим политическим целям, — так происходила первая узурпация и секуляризация власти...

Вездесущий государственный контроль порождает специфическое явление — политическое присвоение морали. Концепция массы создает возможность нормирования. Для того чтобы массы следили за произведением на свет законности,

¹⁵ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : ACT ; ACT Москва, 2010. С. 33.

¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 180.

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 164.

¹⁸ Шмитт К. Государство и политическая форма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 76.

ту тщательно зашифровывали, закрепляя условия установления законности и ее соблюдения. Деспотическая тенденция присутствует всегда. В современных демократических государствах, в понимании А. Токвиля, возможный деспотизм будет иметь лишь специфику (черты, отличающие его от аналогичных явлений прошлого). Над бесчисленной толпой подобных друг другу и равных в правах людей довлеет мощная охранительная власть — всесильная, регулярная, педантично всевидящая¹⁹. Она намерена закрепить своих подданных на детском уровне развития: печется об их безопасности, обеспечивает потребности масс, ведет их основные дела, насаждает этику государства. Так моральные и социальные требования тесно переплетаются между собой, а «у граждан создается впечатление о либерализме и человечности власти»²⁰.

Власть при демократии хотя и исходит от народа, но становится настоящей властью лишь тогда, когда «ковнешняется» по отношению к народу.

Стоит сказать, что для легитимной власти характерна четкая граница между представителями и представляемыми, нелегитимная власть жаждет слияния. Именно в этой связи возникает критика Франклином Анкерсмитом народного суверенитета из-за того, что это фикция: «Ведь народный суверенитет нацелен на легитимацию политической власти путем усмотрения ее истоков в народе, так сказать, в представляемом народе»²¹.

Ранее Франсуа Гизо подмечает слабую сторону концепта «народный суверенитет»: с одной стороны, суверен, который и правит, и подчиняется, с другой стороны — правительство, которое распоряжается, но не есть суверен («когда суверенитету было определено принадлежать правлению, в системе всё было логично и просто»²²). Политическая власть рождается из самого порядка репрезентации. Чтобы слиться с обществом, государство пытается более точно его копировать, стремясь в принимаемых решениях и символике максимально отождествиться с народом. Ф. Анкерсмит видит, что бюрократия, в свою очередь, нивелирует неизбежные разрывы между государством и обществом²³.

Если определять демократию как управление народа самим собой, то это умозаключение ложное, ведь одновременно люди не могут быть и управляющими, и управляемыми (по Аристотелю, одна и та же вещь либо действующая, либо потенциальная). Большая хитрость управляющих — затуманить наше сознание потенциальным управлением. «И народы верят тем охотнее, что это для них весьма лестно, тем более что они просто не обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы убедиться в совершенной невозможности такого положения дел как на практике, так и в теории»²⁴ (Рене Генон).

¹⁹ Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. С. 497.

²⁰ Рукетт М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М. : Канон+, 2010. С. 50—54.

²¹ Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 74—75.

²² Гизо Ф. Политическая философия : о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник. М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 519.

²³ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 75.

²⁴ Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. С. 88.

Мнением народа легко манипулировать (например, посредством всеобщего избирательного права). Искусно отработанные формулы получают магическую силу. «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу»²⁵ (Гюстав Лебон). В неопределенных терминах — «свобода», «равенство», «демократия» — заключена магическая сила, будто бы разрешающая любые проблемы. Если исходящие от слов образы изменчивы и зависят от времени и обстоятельств, то формулы вечны. Здесь произносимые формулы — природные или сверхъестественные силы, а окружающая неопределенность лишь усиливает их таинственное могущество.

Мнения — всегда результат интерпретации: они вытекают из того отношения к закону, которое априори считается единственным возможным. (Герой «Процесса» Франца Кафки хочет извлечь из мира практическую пользу и прилагает все усилия для того, чтобы понять, чего ждет от него закон.) Фабрикуют мнение не всегда те явные и легальные правители, которые реально имеют в своем распоряжении необходимые для достижения результата средства.

Запущенная «машина управления» (выражение Р. Генона) использует саму их некомпетентность для поддержания этой иллюзии (большинство всегда состоит из некомпетентных людей). Итог демократизации: «власть должна приходить снизу и корениться в большинстве, что с необходимостью предполагает отказ от всякой подлинной компетентности, всегда несущей в себе элемент хотя бы незначительного превосходства, естественно превращающего ее в достояние меньшинства»²⁶. Некомпетентность необходима политикам, чтобы чувствовать себя частью большинства. Отсюда критерий истины — численно преобладающее мнение большинства.

Масса — молчаливое большинство и мнимый референт. Она не может относиться к порядку представления и не выражает себя, что поясняет Жан Бодрийяр: «Массы не являются референтом, поскольку уже не принадлежат порядку представления. Они не выражают себя — их зондируют. Они не рефлектируют — их подвергают тестированию. Политический референт уступил место референдуму (организатор постоянного, никогда не прекращающегося референдума — средства массовой информации)»²⁷. Массы создают «мир без Субъекта своего предназначения, имеющий место лишь как баснословная скученность тел»²⁸. Новый мир не стоит ни на чём, над ним ничего не возвышается; в нем разрывы становятся признанными историческими формами человеческого устройства — «человека-всеобщности», некоего родового существа.

Масса не имеет видимой имманентной организации, не сохраняет каких-либо знаний о себе самой, не содержит в себе своей собственной цели. Она механически тяготеет к самовозрастанию и стремится занять некий объем, заполнить пустоту. Власть не исходит от массы. Власть — условие существования массы.

²⁵ Лебон Г. Психология народов : с комментариями и объяснениями. М. : АСТ, 2020. С. 232.

²⁶ Генон Р. Указ. соч. С. 86.

²⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 26.

²⁸ Нанси Ж.-Л. Corpus. М. : Ad Marginem, 1999. С. 67.

Заблуждением власти является одобрение пассивности массы, позволяющей усилить централизацию и бюрократизацию. Тем не менее безразличие масс становится симптомом ослабления и возможного краха власти, когда последняя выбирает иную стратегию и подталкивает массы к участию в управлении. Демократия выступает такой крайней формой правления. Способна ли масса управлять, когда состоит из узников затхлой пещеры, пугающихся от фрагментарности тени теней внутри нее?²⁹

У Эмиля Чорана (Сиорана) находим мрачное наблюдение о предназначении народа — всё сносить. Всякий политический эксперимент обращается против народа дьявольским проклятием. Нации и империи образуются из-за покорности народа. «Нет ни главы государства, ни завоевателя, который не презирал бы его, но он принимает это презрение и даже живет им»³⁰. Уже сама по себе покорность народа — приглашение к деспотизму; единственная роскошь народа, некий реванш за привычные неудачи — революция, да и плодами той невозможно воспользоваться; ни в одном режиме нет спасения, и народ, приспособливаясь, в результате не приемлет никакого³¹...

Новейшее время попыталось исправить ситуацию и преодолеть пессимизм при помощи «суверенной демократии». И всё же ресентимент еще долго остается неотъемлемым признаком массы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — 190 с.
2. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. — 96 с.
4. Гегель Г. Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
5. Генон Р. Кризис современного мира. — М. : Эксмо, 2008. — 784 с.
6. Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник. — М. : Российская политическая энциклопедия, 2000. — С. 507—588.
7. Гоббс Т. Левиафан. — М. : Мысль, 2001. — 478 с.
8. Гундольф Ф. Георге. — СПб. : Владимир Даль, 2019. — 503 с.
9. Дююи Ж.-Л. Знак священного. — М. : Новое литературное обозрение, 2021. — 272 с.

²⁹ Румянцева В. Г. История и будущее права: трансформация идей и образов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 101.

³⁰ Сиоран Э. История и утопия // Искушение существованием. М. : Республика ; Палимпсест, 2003. С. 297.

³¹ Сиоран Э. Указ. соч. С. 298.

10. Лебон Г. Психология народов: с комментариями и объяснениями. — М. : ACT, 2020. — 288 с.
11. Нанси Ж.-Л. Corpus. — М. : Ad Marginem, 1999. — 255 с.
12. Робин К. Страх. История политической идеи. — М. : Прогресс-Традиция ; Территория будущего, 2007. — 368 с.
13. Рукетт М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. — М. : Канон+, 2010. — 272 с.
14. Румянцева В. Г. История и будущее права: трансформация идей и образов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 97—103.
15. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Трактаты. — М. : Канон-Пресс ; Кучково поле, 1998. — С. 195—322.
16. Сиоран Э. История и утопия // Испытание существованием. — М. : Республика ; Палимпсест, 2003. — С. 272—338.
17. Токвиль А. Демократия в Америке. — М. : Прогресс, 1992. — 554 с.
18. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. — М. : ACT ; ACT Москва, 2010. — 698 с.
19. Шмитт К. Государство и политическая форма. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. — 272 с.